

© 2026. И. Б. Павлова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Жанр проповеди и его трактовка в «Христовой ночи» и «Рождественской сказке» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Аннотация: Статья посвящена эстетическому, жанровому своеобразием «Христовой ночи» и «Рождественской сказки», созданных сатириком, социальным моралистом Салтыковым-Щедриным в 1880-е гг. В художественно-публицистическом творчестве писателя всегда были активны просветительские, учительные тенденции, что ярко проявилось в этих произведениях. Автором были использованы средства поэтики, выработанные риторикой и гомилетикой. «Христова ночь» и «Рождественская сказка» ориентированы на активное общение автора с читателем, писатель преследует назидательную, агитационную цель. В них отразились социально-этические идеалы, воплощенные в аллегорических образах Стыда, Совести, Правды. Салтыков-Щедрин во многом опирается на текст Нового Завета, на стиль, лексику, морфологию, синтаксис и композиционную организацию православной проповеди. Использованные изобразительные средства рассматриваются автором с точки зрения их убеждающего воздействия. Однако налицо и принципиальные несовпадения литературной проповеди с церковной, обусловленные мировоззрением писателя, сформировавшимся под влиянием евангельского этизма, демократических идей 1840–1860-х гг., утопического социализма.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, проповедь, притча, риторика, гомилетика, социально-моралистический пафос, просветительство, скептицизм

Информация об авторе: Ирина Борисовна Павлова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-0156>

E-mail: antologia1@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 21.11.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.01.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Павлова И. Б. Жанр проповеди и его трактовка в «Христовой ночи» и «Рождественской сказке» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 284–303. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-284-303>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 284–303. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 284–303. ISSN 2686-7494

Research Article

2026. Irina B. Pavlova

A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Genre of the Sermon and its Interpretation in “Christ’s Night” and “The Christmas Tale” by M. E. Saltykov-Shchedrin

Abstract: The article is devoted to the aesthetic and genre originality of “Christ’s Night” and “The Christmas Tale” created by the satirist and social moralist Saltykov-Shchedrin in the 1880s. Educational and didactic tendencies have always been prominent in the writer’s artistic and journalistic works, and they are clearly manifested in these works. The author used poetic means developed by rhetoric and homiletics. “Christ’s Night” and “The Christmas Tale” are designed for active communication between the author and the reader; the writer pursues an edifying and agitational goal. They reflect the social and ethical ideals embodied in the allegorical images of Shame, Conscience, and Truth. Saltykov-Shchedrin relies heavily on the text of the New Testament, as well as on the style, vocabulary, morphology, syntax, and compositional organization of the Orthodox sermon. The author examines the figurative means used from the perspective of their persuasive effect. However, there are also fundamental discrepancies between the literary sermon and the church sermon, conditioned by the writer’s worldview, formed under the influence of evangelical ethicism, the democratic ideas of the 1840s–1860s, and utopian socialism.

Key words: M. E. Saltykov-Shchedrin, sermon, parable, rhetoric, homiletics, socio-moralistic stance, enlightenment, skepticism

Information about the author: Irina B. Pavlova, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-0156>
E-mail: antologia1@yandex.ru

Received: November 21, 2025

Approved after reviewing: January 30, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Pavlova, I. B. “The Genre of the Sermon and its Interpretation in ‘Christ’s Night’ and ‘The Christmas Tale’ by M. E. Saltykov-Shchedrin.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 284–303. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-284-303>

Жанровое своеобразие творчества Салтыкова-Щедрина привлекало пристальное внимание литературоведов. По словам академика А. С. Бушмина, жанровая природа его произведений сложна, живет в постоянном движении, смещении установившихся границ, характеризуется стремлением к подвижным формам, как и сама изображаемая писателем действительность [Бушмин: 67]. Что касается поэтики православной проповеди, в том числе и современной, то интерес к ней заметно возрос в гуманитарных исследованиях последних десятилетий.

Характеризуя натуру Салтыкова-Щедрина, следует подчеркнуть, что ему была присуща этическая требовательность к человеческой личности, стремление социально воспитывать, назидать. На его духовное, идейное формирование оказали влияние евангельский этизм, французский утопический социализм, демократические идеи 1840–1860-х гг. Писатель по праву считается общественным моралистом, просветителем. Во многих произведениях художника-сатирика сильны проповеднические, учительные тенденции, не менее ярко проявляется в них и риторическое начало¹. В Салтыкове-Щедрине никогда не угасала просветительская вера в способность слова пересоздать мир, хотя она подвергалась суровым испытаниям действительностью.

Художник глубоко национальный, Салтыков-Щедрин видел свою миссию в общественном служении, подобно многим предшественникам и современникам исповедовал облагораживающую, созидательную силу реалистического искусства:

¹ См.: Хазагеров Г. Г., МIRONENKO М. Н. Риторическое в поэтике М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако внимание авторов сосредоточено на антириторике, т. е. ложной риторике, изоморфной объекту сатиры, которую Салтыков-Щедрин разоблачает, доводя ее положения до абсурда.

Требование от литературы чего-то большего, чем литература, приписывание ей той роли, которая находится в области нравственных ценностей, веры и совести, было закреплено Гоголем <...>. И характерно, что те, кто спорили с Гоголем, фактически исходили из той же предпосылки о высшей роли писателя. <...> Толстой, захваченный в конце жизни пафосом разоблачения искусства, сердито писал, что «Гоголь приписывает искусству не свойственное ему значение», не замечая при этом, что он сам как прямой ученик Гоголя видит в писателе в первую очередь проповедника и ставит культурную ценность искусства в зависимость от его моральной ценности [Лотман: 123].

Салтыков-Щедрин подчеркивал, что для действенности сатиры, достижения ею цели «надобно, во-первых, чтоб она давала почувствовать читателю тот идеал, из которого отправляется творец ее, и, во-вторых, чтоб она вполне ясно сознавала тот предмет, против которого направлено ее жало» [Салтыков-Щедрин 5: 430].

Особое значение для творчества художника-сатирика имело православие. Он не был религиозен в общепринятом смысле этого слова. Однако начала веры, заложенные в детстве, даже в той степени и форме, о которых повествует хроника «Пошехонская старина», оказали бесспорное влияние на строй его мышления, понятия о добре и зле, может быть более значительное, чем ему представлялось. Писатель обладал развитым нравственным чувством, остро отзывающимся на социальную несправедливость, трезвым умом, любил родину и русский народ. Евангельские идеалы и национальное сознание — тема, которой Салтыков-Щедрин касался в своих произведениях разных лет, начиная с «Губернских очерков».

Существует несколько точек зрения, согласно которым писатель облекал свои нравственные идеи в религиозную форму. Так, по мнению автора монографии «Салтыков-Щедрин и народническая демократия» В. А. Мыслякова, писатель-сатирик хорошо понимал и брал в расчет «своеобразную “религиозность” народников-подвижников» [Мысляков: 195]:

...та глубочайшая преданность идее общественной справедливости и готовность «пострадать» за нее, та неугасимая вера в торжество социалистического идеала, то самозабвенное служение «ближнему», то восторженное

отречение «от мира сего», которые у них наблюдались, неизбежно вызывали в сознании современников всевозможные параллели с эпохой первых христиан, «подсказывали» литераторам прямое обращение к библейской символике и стилистике [Мысляков: 195–196].

Следует добавить, что подобные тенденции в творчестве Салтыкова-Щедрина живо проявились в период активной деятельности народных и сохранились в дальнейшем.

По мнению М. А. Алякринской, писатель пытался внушить своим читателям систему определенных этических ценностей, передать собственную веру в разумные и нравственные основания жизни:

...риторичность, ярко выраженный морализм и известная назидательность роднят тип критического повествования Салтыкова с типом проповеднической литературы [Алякринская: 16].

Хотя эти выводы относятся к особенностям литературной критики сатирика, но они присущи всему его творчеству, в котором слиты художественное и публицистическое.

Как отметила автор В. Б. Королева, «...“этизм сознания” обуславливает целостный проповеднический характер его творческой деятельности» [Королева: 216]. Исследовательница подчеркнула, что «стремление к модификации жанров у Салтыкова заметно с первых литературно-художественных опытов» [Королева: 216].

В православной гомилетике принято четырехчастное построение проповеди: вступление, подготовляющее паству к предлагаемой ей теме, изложение, цель которого обоснование главной мысли проповеди, раскрытие ее существа, нравственное приложение, содержащее выводы, имеющие практический характер и непосредственное отношение к духовной жизни слушателей, и заключение, которое вместе со вступлением является «своеобразным обрамлением проповеди и несет определенную логико-психологическую нагрузку — служит завершением выступления проповедника» [архиеп. Феодосий: 184].

Передавая в «Христовой ночи» обращение Спасителя к народу, а в «Рождественской сказке» — сельского священника к прихожанам в праздник Рождества, художник во многом опирался на текст Нового Завета, на стиль, лексику, морфологию, синтаксис православной про-

поведи, ее коммуникативные установки. Тема проповедей обозначена в заглавиях произведений. Вступление к одной из «сказок» связано с приближением праздника Воскресения, к другой — с наступившим Рождеством. При этом трактовка главной мысли проповеди (изложение), нравственные выводы (нравственное приложение), ее структурно-композиционная организация обусловлены авторской волей. В первом произведении слова Спасителя перемежаются речью условного повествователя, который направляет внимание читателя на разворачивающиеся события.

«Христову ночь», имеющую подзаголовок *«Предание»*, написанную Салтыковым-Щедриным на закате жизни (сентябрь 1886), художник предназначал к Пасхальным дням, но не успел закончить. По наблюдению академика А. С. Бушмина, в ней соединяются притчевое и проповедническое начала. Притча является дидактико-аллегорическим жанром, тяготеет к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка, с чем связана возвышенная топка [Аверинцев: 362]. В данном случае она органически связана с проповедью, дидактическим произведением ораторского типа, «содержащим этические требования (обычно с религиозной окраской) и понуждающим слушателя к эмоциональному восприятию этих требований» [Аверинцев: 363]. Проповедь — один из важнейших устных и письменных церковно-религиозных жанров.

Подзаголовок произведения указывает на фольклорную традицию, хотя ни в композиции, ни в сюжете не повторяются традиционные фольклорные схемы, образность «Христовой ночи» другого порядка. Салтыков-Щедрин избирает для темы своей притчи-проповеди важнейшее событие в истории человечества: Воскресение Спасителя. Проповедь предваряет пронзительно горькая русская пейзажная картина, типичная для творчества сатирика. Ее отличительные признаки: безмолвие, холод, темнота, оцепенение, печать заброшенности. Возникает впечатление жизни, еле тлеющей, задавленной злом. Вдруг раздается гудение полночных колоколов, и окрестность оживает. По дороге потянулись серые, замученные нищетою люди. Свое смирение и воздыхания — вот, что они несли Воскресшему Богу. За ними шли богатые, благополучные, самодовольные со своими мечтами. Неожиданно наступило торжественное молчание:

Глубокая тайна почуялась в этом внезапном перерыве начавшегося движения, — как будто за наступившим молчанием надвигалось чудо, должествующее вдохнуть жизнь и возрождение. И точно: не успел еще заалеть восток, как желанное чудо совершилось. Воскрес поруганный и распятый Бог! воскрес Бог, к Которому искони огорченные и недугующие сердца вопиют: «Господи поспешай!» [Салтыков-Щедрин 16.1: 206].

Таинственный перерыв — своего рода отмена относительных законов земного бытия. Чудо Пасхальной ночи открывает людям новую реальность. Проповедь, произнесенная, согласно художественному замыслу, Самим Спасителем, это обращение вечности к людям, горнего к дольному, к страждущему человечеству, которому даются обетования. Слова Христа будят человеческую душу, совесть, вселяют надежду, подводят людей к осознанию цели жизни, указывают путь преодоления греховности. Одно из принципиальных положений этой проповеди:

Люби Бога и люби ближнего, как самого себя — вот эта правда, во всей ее ясности и простоте, и она наиболее доступна не богословам и начетчикам, а именно вам, простым и удрученным сердцам [Салтыков-Щедрин 16.1: 208].

Христос благословляет природу, пробуждающуюся при Его Воскресении, создания, населяющие землю, обращается ко всему миру, в первую очередь, к людям с истерзанными сердцами и поникшими долу головами, своему долготерпеливому воинству, которому вера помогает нести бремя жизни, и смотрит на них с великой скорбью. Чтобы подчеркнуть тяжесть земной юдоли и безропотность смиренных, замученных нищетою людей, проводится параллель между их страданиями и голгофскими муками. Искупитель говорит о Своей победе над смертью, обещает обездоленным, что обязательно «пробьет этот желанный час, и явится свет, которого не победит тьма. И вы свергнете с себя иго тоски, горя и нужды, которое удручает вас» [Салтыков-Щедрин 16.1: 208]. Христос дарует возможность спасения через нравственные страдания и богатым, алчным, жестоким правителям, неправедным судьям, лицемерам и даже душегубцам. «Этот путь, — говорит Он, — суд вашей собственной совести» [Салтыков-Щедрин 16.1: 209].

Речь Спасителя передана прозой, приближающейся к ритмической. Художник стремится к тому, чтобы она звучала торжественно и проникновенно. Важную стилеобразующую роль играют аллюзии на Евангелие, в некоторых случаях Салтыков-Щедрин прибегает к прямому цитированию. Приведем примеры:

Благословение Спасителем природы и людей: «Мир вам!» — приветствие Христом учеников: «мир вам!» (Ин. 20, 19, 26).

«...и вы свергнете с себя иго тоски, горя и нужды, которое удручает вас» — слова из Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, <...> плачущие, <...> кроткие, <...> алчущие и жаждущие правды» (Мф. 5, 3).

«Я разорвал узы смерти...» — слова Христа о Его победе над смертью и грехом: «...но мужайтесь, Я победил мир» (Ин. 16, 33).

«...и явится свет, которого не победит тьма», «...слово Мое — истина!» — «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5); «слово Мое есть истина» (Ин. 8, 31).

«Вы — люди века сего и духом века своего руководитесь. ~ Но говорю вам: придет время — и недалеко оно, — когда мечтания ваши рассеются» — восьмикратное обличение, произнесенное Христом: «Горе вам, фарисеи, лицемеры» (Мф. 23, 13–16, 23, 25, 27, 29).

Упоминаются такие евангельские реалии, как Гефсиманский сад, Голгофа, метафора «чаша скорби», которую Христу пришлось испить, использован фразеологический оборот «скрежет зубовный» (Мф. 22, 13).

Экспрессивность проповеди в «Христовой ночи» усиливают синтаксические параллелизмы: «Я разорвал узы смерти, чтобы прийти к вам, слуги мои верные, сострадалцы мои дорогие! Я всегда и на всяком месте с вами, и везде, где пролита ваша кровь, — тут же пролита и моя кровь вместе с вашей» [Салтыков-Щедрин 16.1: 207]¹; многократный повтор слов Спасителя «Мир вам!». Эти выразительные средства помогают задавать ритм.

В проповеди сделан акцент на освобождение от гнета зла, обещанное страждущему человечеству. У Салтыкова-Щедрина, лите-

¹ Салтыков-Щедрин использовал синтаксические параллелизмы как риторический стилистический прием, эмфазу уже в цикле «Губернские очерки» в очерке «Христос воскрес!».

ратора-демократа, испытывающего живую боль за людей, алчущих и жаждущих правды, загубленных нуждою, не могли не найти отклик евангельские слова любви и сострадания ко всем обиженным, бесправным, обетование, что Бог сотрет с их лица всякую слезу (Откр. 21, 4). Чаяния художника-сатирика связаны с освобождением труждающихся и обремененных от страданий, с гармоничным и справедливым устроением жизни человеческого общества. Грядущее принесет торжество желанного освобождения для одних: «...и как некогда с высот Голгофы благословлял вас на стяжание душ ваших, так и теперь благословляю на новую жизнь в царстве света, добра и правды», — и праведный суд для других: «Она (совесть — *ред.*) раскроет перед вами ваше прошлое во всей его наготе. Она вызовет тени погубленных вами и поставит их на страже у изголовий ваших» [Салтыков-Щедрин 16.1: 209].

Что касается концовки, то она в «Христовой ночи» содержательно и композиционно находится в противоречии с христианскими догматами и с жанром проповеди, хотя коммуникативное начало в ней очень активно. В мрачном описании происшедшего с предателем Иудой Салтыков-Щедрин опирается на слова из Евангелия от Матфея (Мф. 27, 3–6) и из Деяний апостолов: «...но приобрел землю неправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его...» (Деян. 1, 18). Писатель по-своему развивает этот сюжет. Так, Иуда возвращен к жизни и обречен на презренное существование, приговор ему гласит: «Живи, проклятый!» Путь спасения для него закрыт навсегда. В этой части текста присутствуют своеобразные реминисценции-отсылки к евангельским сюжетам и образности, которые, видимо, привлекли автора своей выразительностью, но были переосмыслены им. Следует заметить, что с точки зрения ортодоксально православной, богословско-догматической, это переосмысление, как и произнесенный Иуде приговор, едва ли могут быть признаны корректными, приемлемыми. Укажем ряд подобных случаев:

«Ты будешь умолять о хлебе — и тебе подадут камень, ты будешь жаждать — и тебе подадут сосуд, наполненный кровью преданного тобой» *вместо* «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень?» (Лк. 11, 11).

«Камни, по которым ты пойдешь, будут вопиять...» *вместо*: «...сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19, 40).

В концовке тоже активны синтаксические параллелизмы, подчеркивающие в данном случае глубину падения Иуды: «Ты проклят Богом и людьми», «Ты не убил друга, а <...> предал на казнь и поругание», «Ты будешь ходить из града в град», «Ты будешь стучаться в двери», «ты будешь умолять о хлебе», «ты будешь жаждать», «Ты будешь плакать», «Ты будешь искать смерти», «ты обретешь друга и предашь его», «Ты получишь способность творить добро, но добро это отравит души благодетельствованных тобой», «И будешь ты ходить из века в век с неусыпающим червем в сердце, с погубленную душою». Эту же функцию выполняют повторяющиеся выражения, клеймящие злочестивого ученика: «Предатель, будь проклят!», «Будь проклят, предатель!», «...будь проклят и ты, и все дела твои!» «Живи, проклятый!».

Как известно, Л. Н. Толстой (возможно не без участия В. Г. Черткова) не считал возможным напечатать в издательстве «Посредник» «Христову ночь» из-за ее «нехристианского конца». Та часть произведения, которая относится к приговору Иуде, действительно не имеет ничего общего со Священным Писанием и Преданием, не согласуется с основными положениями христианства. Автор сознательно отступает от новозаветного материала и сюжетно-композиционных законов жанра. Это уже не заключение религиозной проповеди, а обличительная речь, исполненная социально-моралистического пафоса.

Салтыков-Щедрин с помощью такого сюжетного хода бичует зло, стремится придать максимальную выразительность мысли, что отпавший от Истины, предопределил свою участь — рассеивать смуту, измену и рознь. Назидательное значение концовки определяют принципы гуманистической морали: неизбежность расплаты за вероломство в отношении Учителя и Истины. «Живи, проклятый! и будь для грядущих поколений свидетельством той бесконечной казни, которая ожидает предательство» [Салтыков-Щедрин 16.1: 210]. Тема обличения предательства звучала и в написанной несколько ранее «сказке-элегии» «Приключение с Крамольниковым» (1886): «...отступники же и переметные суммы водились во всякое время» [Салтыков-Щедрин 16.1: 205]. Для усиления экспрессии Салтыков-Щедрин вторично отошел от евангельской версии участи Иуды, заменяя ее легендой об Агасфере, проявившем жестокосердие к ведомому на распятие Христу, и осужденном на дурную бесконечность скитания по земле.

М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» подчеркивал:

Произведение, как и реплика диалога, установлено на ответ другого (других), на его активное ответное понимание, которое может принимать разные формы: воспитательное влияние на читателей, их убеждение, критические отзывы, влияние на последователей и продолжателей и т. п.; оно определяет ответные позиции других в сложных условиях речевого общения данной сферы культуры [Бахтин: 177–178].

«Христова ночь», в которой сплелись притчевое и проповедническое начала, имеет ярко выраженную коммуникативную направленность, учительную, агитационную цель. Изобразительные средства рассматривались художником с точки зрения их воздействия на душу и разум человека. Творчество писателя-сатирика ориентировано на активное общение с представителями различных слоев общества, на их ответ, на пробуждение мысли, гражданского самосознания, потому что без этого, согласно его воззрениям, искусство слова не достигает своей цели. В цикле «Мелочи жизни» он писал:

Читатель представляет собой тот устой, на котором всецело зиждется деятельность писателя; он — единственный объект, ради которого горит писательская мысль. Убежденность писателя питается исключительно уверенностью в восприимчивости читателей, и там, где этого условия не существует, литературная деятельность представляет собой не что иное, как беспредельное поле, поросшее волчецом, на обнаженном пространстве которого бесцельно раздается голос, вопиющий в пустыне [Салтыков-Щедрин 16.2: 133].

В «сказке-элегии» «Приключение с Крамольниковым» главной для литератора названа потребность «источать свет и добро», которая делает его «способным воспринимать свет и добро от других», «лучистая сила», дающая возможность «огнем своего сердца зажигать сердца других» [Салтыков-Щедрин 16.2: 198], что можно трактовать как жажду служения людям, проповеднической деятельности на широкой общественной ниве.

По наблюдению А. С. Бушмина, приуроченность произведений Салтыкова-Щедрина к церковным праздникам, проповедническая то-

нальность повествований, евангельская образность свидетельствуют, что «Христову ночь» и «Рождественскую сказку» он предназначал для широкого круга современников, жизнь которых протекала в традиционно православной среде.

Салтыков-Щедрин разрабатывал жанр проповеди и притчи как социальный моралист и не скрывал своих стратегий. В ряде произведений художника его этические установки, общественные идеалы воплощены в аллегорических образах Стыда, Совести, Правды, которым противостоит все зло окружающей действительности и греховность человека. Обращение писателя-сатирика к этим образам было глубоко мотивированным. В коллективной монографии «Логический анализ языка. Языки этики» Н. Д. Арутюнова в главе «О стыде и совести» высказывает точку зрения, что понятия стыд и совесть «входят в число укорененных в природе человека координаторов сознания и воли» [Арутюнова 2000: 57]. «Стыд формирует социального человека, совесть — нравственную личность. Стыд учит человека поведению, совесть — поступкам» [Арутюнова 2000: 58]. Обращаясь к эпохе Нового Завета, автор указывает, что слово *совесть* и соответствующее ему понятие апостол Павел сделал атрибутом христианской веры, ибо совесть есть не что иное, как голос Бога в человеке. Другой особенностью концепта совести у апостола Павла можно считать некоторую его социологизацию — проецирование совести на социальные отношения между людьми, находящимися на разных иерархических ступенях [Арутюнова 2000: 64–65]. Отвечая на вопрос, какому виду нравственности отдает предпочтение не философский, а естественный язык, в данном случае русский, исследователь с большой долей уверенности говорит, что русский язык отражает в своей семантике нравственность совести [Арутюнова 2000: 69]. В проповеди «Христовой ночи» говорится о правде, заключающейся в любви к Богу и ближнему, о будущей жизни замученных нищетою в царстве света, добра и правды, о заглохшей совести у людей века сего и руководствующихся духом века своего, о суде над грешниками, который будет вершить их собственная совесть, способная раскрыть перед ними прошлое во всей наготе.

В «сказке» «Пропала совесть» (1869) Салтыков-Щедрин показывает, что утрата чувства нравственной ответственности людей за свои поступки делает их существование бессознательно жестоким: «Всю болезнь вдруг как рукой сняло ...» [Салтыков-Щедрин 16: 14].

Настоящий «порядок вещей» таков, с прискорбием говорит писатель-сатирик, что пробуждение совести в душе падшего человека бесплодно, доставляет лишь невыносимые страдания, он не может вырваться из замкнутого круга самобичеваний. Однако это не значит, что можно уничтожить, отвергнуть совесть. Если она проникнет в чистое сердце, не замутненное жизненным неблагообразием, то станет крепнуть и расти в нем и, возмужав, сможет победить все «неправды, коварства и насилия». С точки зрения Салтыкова-Щедрина, историческое настоящее не представляло достаточно оснований для прогнозирования путей, по которым может пойти русское общество. Однако это не могло поколебать просветительских идеалов художника-сатирика, которые он отстаивал на протяжении всей писательской жизни, в том числе опираясь на моралистическую утопию.

С. Н. Колосова, посвятившая статью стилевому своеобразием «сказок» сатирика, выделила среди них лирико-философскую группу, отличающуюся своей жанровой природой. К ней автор относит «Приключение с Крамольниковым», «Рождественскую сказку», «Христову ночь». Эти произведения, пишет С. Н. Колосова, имеют своеобразную двухчастную композицию: первая — лирически-философская, притчевая, вторая — сюжетная» [Колосова: 75].

С точки зрения жанровой «Рождественскую сказку» можно отнести к малой повествовательной форме, в которую органически входит проповедь. «Рождественская сказка» (декабрь 1886), посвященная явлению в мир Сына Божия, начинается гимном Христу и Правде. С глубоким чувством передана проповедь, которую произнес сельский батюшка, крестьянский пастырь. Она занимает треть произведения, сочетает в себе прославление, апологию церковного праздника и дидактичность, предлагает слушателям истины нравоучительные. В жанровом отношении она близка проповеди церковной, ощущается ориентация на композиционные принципы, принятые в формальной гомилетике. В ней присутствует вступление, обоснование главной темы, раскрытие ее смысла, из которого вытекают нравственные выводы, изложены основные положения христианской этики, проповедь завершается призывом к пастве¹.

¹ Образцом владения Салтыковым-Щедриным ораторским мастерством может служить пространное авторское отступление в хронике «Поше-

Как и в «Христовой ночи», автором использованы различные поэтические приемы, которые придают проповеди торжественную тональность, проникновенность, выстраивают ритм повествования. Высокий стиль достигается, в частности, обращением к архаической, книжной лексике (прежде всех век, восседала, одесную, возжгла, сораспиналась, светозарный, воздувала, всладце), к синтаксическим параллелизмам:

Она (Правда — *ред.*) прежде всех век восседала с Христом—человеколюбом одесную Отца, вместе с ним воплотилась и возжгла на земле свой светоч. Она стояла у подножия креста и сораспиналась с Христом; она восседала, в виде светозарного ангела, у гроба его и видела Его Воскресение [Салтыков-Щедрин 16.1: 218];

Вместе с гонимыми и униженными Правда сходила в подземелья и проникала в горные ущелия. Она восходила с праведниками на костры и становилась рядом с ними перед лицом мучителей. Она воздувала в их душах

хонская старина», посвященное Правде, Чуду, страданиям задавленного ярмом рабства простолюдина, его горячей вере, в котором звучит голос моралиста, риторы, проповедника, человеколюбца. «Я понимаю, что религиозность самая горячая может быть доступна не только начетчикам и богословам, но и людям, не имеющим ясного понятия о значении слова “религия”. Я понимаю, что самый неразвитый, задавленный ярмом простолудин имеет полное право называть себя религиозным, несмотря на то, что приносит в храм, вместо формулированной молитвы, только измученное сердце, слезы и переполненную вздохами грудь. Эти слезы и воздыхания представляют собой бессловную молитву, которая облегчает его душу и просветляет его существо. Под наитием ее он искренно и горячо верит. Он верит, что в мире есть нечто высшее, нежели дикий произвол, которому он от рождения отдан в жертву по воле рокового, ничем не объяснимого колдовства; что есть в мире Правда и что в недрах ее кроется Чудо, которое придет к нему на помощь и изведет его из тьмы. Пускай каждый новый день удостоверяет его, что колдовству нет конца; пускай вериги рабства с каждым часом все глубже и глубже впиваются в его изможденное тело, — он верит, что злосчастье его не бессечно и что наступит минута, когда Правда осияет его, наравне с другими алчущими и жаждущими. И вера его будет жить до тех пор, пока в глазах не иссякнет источник слез и не замрет в груди последний вздох. Да! колдовство рушится, цепи рабства падут, явится свет, которого не победит тьма!» [Салтыков-Щедрин 17: 69]. Художник жаждет, чтобы освобождение пришло к человеку не в той реальности, а уже здесь, на земле.

священный пламень, отгоняла от них помыслы малодушия и измены; она учила их страдать всладце [Салтыков-Щедрин 16.1: 219].

Встречается парафраз главной Евангельской заповеди: «Люби бога — ибо Он жизнедавец и человеколюбец, ибо в Нем источник добра, нравственной красоты и истины. В Нем — Правда. ~ Люби ближнего, как самого себя,— такова вторая половина Христовой заповеди» [Салтыков-Щедрин 16.1: 219–220], — *ср.* «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя...» (Мф. 22, 37–39).

Использованы некоторые формулы из Литургии: «<Станем> добре!» (т. е. перед Богом должно стоять со страхом, смирением и любовью), «Буди имя Господне благословенно <от ныне и до века!>» (благодарственно–хвалебная песнь по завершении Литургии).

Слова праздничной проповеди встречают полный отклик в душе мальчика, сына бедной вдовы помещицы Сережи Русланцева. В отличие от «маленького русского дитя», чье сердце стало приютом для гонимой совести, заключающей в себе надежду на победу в будущем добра над всем злом мира («Пропала совесть»), этот образ лишен всякой отвлеченности, вполне конкретен, что и предопределяет драматический исход. Вместить противоречие между высшей Правдой и принципами человеческого общества, основанного на компромиссах, оказалось маленькому герою не под силу: Сережа заболевает и погибает.

— Мама! — лепетал он: — смотри; весь в белом... это Христос... это Правда... За Ним... К Нему...

Он опрокинулся на подушку, по-детски всхлипнул и умер.

Правда мелькнула перед ним и напоила его существо блаженством; но неокрепшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось [Салтыков-Щедрин 16.1: 226].

Герой «Рождественской сказки» ребенок, важный образ-символ в Новом Завете, в христианской этике («...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» — (Мф. 18, 3)). Ребенок — норма человеческого существования, в нем воплощено будущее. Образ «маленькое русское дитя, в чьем сердце приютится совесть» за-

нимает особое место в творчестве сатирика, будучи тесно связан с его общественными и этическими идеалами, с моралистической утопией писателя. Еще одно значимое действующее лицо произведения — это батюшка, произносящий проповедь, возвещающий людям Слово Божие, окормляющий сельскую паству. Выбор сделан автором неслучайно. Салтыков-Щедрин с большой художественной силой запечатлел скорбную долю многомиллионного русского крестьянства. При этом писатель верил, что инстинкт Истины не замер в массах, и поиск ими лучшей доли не прекращался никогда. В народе, по его убеждению, «заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности» [Салтыков-Щедрин 18.2: 85].

По своему жанру это произведение близко канону «рождественского рассказа» в «печальном» варианте. Своеобразие «Рождественской сказки» в том, что ее начинает проповедь (лирически-философская, притчевая часть, по определению С. Н. Колосовой) и продолжает житейская история (сюжетная). Обе части связаны событиями Рождественского времени, образами Христа и Правды, сельского батюшки, отрока Сережи. В этом произведении проповедь по форме и стилю приближается к праздничной православной, в ней много воодушевления, воспет Христос-человеколюбец, податель жизни. Изложение посвящено Рождеству, Правде, противостоящей всему злу мира, гонимым и униженным, пострадавшим за нее, любви к Богу и ближнему. В то же время события, следовавшие за праздничной проповедью, казалось бы, свидетельствует о проблематичности воплощения идеальных установок, заданных пастырским словом в жизнь современного автору общества, ставят под сомнение их оживотворяющее мир и человеческие души влияние.

Драматизм «Рождественской сказки» заключается в контрасте между прекрасной, проникновенной проповедью и «житейской мудростью», которой уступает даже добрый священник. Переход от поучительной речи к описанию следовавших событий, к болезни и смерти мальчика делает особенно напряженным конфликт идеала и действительности, в которой люди пытаются найти компромисс между добром и злом. Ребенок обладает непосредственным чувством Бога, чистое детское сердце отвергло уступки, но оно, по выражению автора, было «неокрепшее», как разум и воля отрока, что и предопределило печальный конец. Однако это не отменяет величие Правды

и значение мученичества за нее. Некая двойственность толкования «сказки» проистекает из мировоззренческих особенностей писателя-сатирика, в котором ориентация на общечеловеческие идеалы и христианские этические ценности, сочеталось со скептическими взглядами относительно достижения социальной и нравственной гармонии в исторически обозримом будущем. Главным для Салтыкова-Щедрина было донести до читателя мысль, что следование за Христом и Правдой, взыскание «царства лучей и свободы» требуют духовного закала, нравственного подвига, жертвенности.

Принципиальное место в проповеди и в дальнейшем сюжетном развитии занимает образ Правды, отождествляемой со Христом. С точки зрения современного языкознания, понятие истинности представлено в русском языке двумя словами: *истина* и *правда*:

О Божественном мире и его аналогах говорят в терминах *истины*. Это же слово используется в эпистемических контекстах. Ему отдается предпочтение (часто из соображений стиля) и тогда, когда речь идет о человечестве, его идеалах и конечных целях, между тем как проекция Божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей обозначается словом *правда*. Правда — это отраженная истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях [Арутюнова 1999: 551].

В рамках данной статьи для нас важно то, что

связь правды с миром человека естественно вводит это понятие в этический контекст. В нем правда составляет высшую ценность, а стремление *жить по правде* первейший долг человека. Когда долг поднимается до доблести, человека называют *праведником*. В этическом контексте правда характеризуется метафорами высоты, света и солнца [Арутюнова 1999: 554].

Проиллюстрируем последнюю мысль исследователя цитатами из Евангелия и молитвенно-хвалебных песнопений: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1, 9), «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин. 12, 46); тропарь Сретения Господня начинается словами: «Радуйся, Благодатная Богородице Дево, из Тебе бо воссия

Солнце правды, Христос Бог наш, просвещающий сущия во тьме»; в икосе 12 акафиста Иисусу Сладчайшему говорится: «Иисусе, солнце правды, освети мя». В «Рождественской сказке» образ-символ Правда уподобляется светочу, светозарному ангелу, упоминается о порождаемом ею священном пламени веры.

Творчество Салтыкова-Щедрина демонстрирует драматическую судьбу Правды. Так, в хронике «Господа Головлевы» описывается, как в преддверии смерти Порфирий Головлев, заслуживший прозвище Иудушки-кровопивушки, вдруг осознал, что в евангельском сказании идет речь «о какой-то неслыханной неправде, совершившей кровавый суд над Истиной...» [Салтыков-Щедрин 13: 260]. Правда в произведениях писателя-сатирика бывает гонимой, поверженной, жалкой, чудовищно унижается. Примером тому может служить драматический диалог «Торжествующая Свинья, или разговор Свиньи с Правдою» из цикла «За рубежом» (1880–1881). В «сказке «Путем-дорогою. (Разговор)» (1886) народ горестно вопрошает, где же Правда, а искателей ее ждет горькая участь. Тем не менее она способна прийти в мир и проникнуть в душу каждого. И тогда Правда «не станет уже непосильным бременем, не введет в соблазн, не покажется кому-то вроде укоризны». Мысль, что «объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда, придет и весь мир осияет. И будем мы жить все вкупе и влюбе» [Салтыков-Щедрин 16.1: 218], проходящая через все творчество Салтыкова-Щедрина, прямо провозглашенная в «сказке» «Ворон-челобитчик» (1886), составляла упование писателя, давала импульсы к творческой деятельности.

Несомненно, что в рассмотренных произведениях сатирика есть признаки, сближающие в той или иной мере литературную проповедь с церковной. Однако налицо и принципиальные несовпадения: «нехристианский конец» «Христовой ночи» и неоднозначное завершение «Рождественской сказки».

В этих произведениях нашли отражение мировоззренческие процессы, происходящие в сознании автора, его индивидуальный жизненный опыт, этические искания, система ценностей, социально-исторические взгляды. Эстетическое своеобразие «Христовой ночи» и «Рождественской сказки» определено характером художественно-публицистического творчества Салтыкова-Щедрина с его тенденцией к риторичности, активно выраженному коммуникативному началу,

склонностью к скептицизму. Внимание к жанру проповеди, поучения и его возможностям обусловлено моралистическим пафосом творчества писателя, особенно ярко проявившимся в последние годы жизни. В «Христовой ночи» и «Рождественской сказке» художником-сатириком были мастерски использованы средства поэтики, выработанные риторикой, гомилетикой, что располагало, при условии беспристрастия, к усвоению проповеднической литературой лучших образцов русской художественной прозы.

Список литературы

Источники

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.

Исследования

Аверинцев С. С. Притча // София–Логос. Словарь. Киев: Дух и литера, 2006. С. 361–363.

Аверинцев С. С. Проповедь // София–Логос. Словарь. Киев: Дух и литера, 2006. С. 363–364.

Алякринская М. А. Литературная критика М. Е. Салтыкова-Щедрина (к проблеме критического метода): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 18 с.

Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999. 913 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. 733 с.

Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука, 1987. 368 с.

Ицкович Т. В. О композиционно-тематическом развертывании церковной проповеди // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 41. С. 163–175.

Колосова С. Н. Стилевое своеобразие сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 67–78.

Королева В. Б. Жанровые вариации в творчестве Салтыкова-Щедрина // Дергачевские чтения, 2008. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. Т. 1. С. 216–222.

Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования. СПб.: Искусство, 1997. 848 с.

Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л.: Наука, 1984. 262 с.

Феодосий, архиепископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. М.: Самшит-изд., 2007. 336 с.

Хазазеров Г. Г., Мироненко М. Н. Риторическое в поэтике М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 158–162.

References

- Averintsev, S. S. "Pritcha" ["Parable"]. *Sofiia-Logos. Slovar'* [*Sofia-Logos. Dictionary*]. Kiev, "Duch i litera" Publ., 2006, pp. 361–363. (In Russ.)
- Averintsev, S. S. "Propoved'" ["Sermon"]. *Sofiia-Logos. Slovar'* [*Sofia-Logos. Dictionary*]. Kiev, "Duch i litera" Publ., 2006, pp. 363–364. (In Russ.)
- Aliakrinskaia, M. A. *Literaturnaia kritika M. E. Saltykova-Shchedrina (k probleme kriticheskogo metoda)* [Literary Criticism of M. E. Saltykov-Shchedrin (On the Problem of the Writer's Critical Method): PhD Thesis, Summary]. Leningrad, 1980. 18 p. (In Russ.)
- Arutiunova, N. D. "O styde i sovesti" ["On Shame and Conscience"]. Arutiunova, N. D. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki ietiki* [Logical Analysis of Language. The Languages of Ethics] Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
- Arutiunova, N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1999. 913 p. (In Russ.)
- Bakhtin, M. M. "Problema rechevykh zhanrov" ["The Problem of Speech Genres"]. Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 5. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 733 p. (In Russ.)
- Bushmin, A. S. *Hudozhestvennyi mir Saltykova-Shchedrina* [The Artistic World of Saltykov-Shchedrin]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 368 p. (In Russ.)
- Itskovich, T. V. "O kompozicionno-tematicheskom razvertyvanii tserkovnoi propovedi" ["On the Compositional and Thematic Development of the Church Sermons"]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 41, 2006, pp. 163–175. (In Russ.)
- Kolosova, S. N. "Stilevoe svoeobrazie skazok M. E. Saltykova-Shchedrina" ["The Stylistic Originality of the Tales of M. E. Saltykov-Shchedrin"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya*, no. 5, 2022, pp. 67–78. (In Russ.)
- Koroleva, V. B. "Zhanrovyie variatsii v tvorchestve Saltykova-Shchedrina" ["Genre Variations in the Works of Saltykov-Shchedrin"]. *Dergachevskie chteniia 2008* [The Dergachev Readings 2008], vol. 1. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2009, pp. 216–222. (In Russ.)
- Lotman, Iu. M. "Literatura v kontekste russkoi kul'tury XVIII veka" ["Literature in the Context of Russian Culture of the 18th Century"]. *O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia* [On Russian Literature. Articles and Research]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1997. 848 p. (In Russ.)
- Mysliakov, V. A. *Saltykov-Shchedrin i narodniceskaia demokratiia* [Saltykov-Shchedrin and Populist Democracy]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 262 p. (In Russ.)
- Feodosii, Episkop Polotskii i Glubokskii. *Gomiletika. Teoriia tserkovnoi propovedi* [Homiletics. The Theory of Church Preaching]. Moscow, Samshit-izd. Publ., 2007. 334 p. (In Russ.)
- Khazagerov, G. G., and M. N. Mironenko. "Ritoricheskoe v poietike M. E. Saltykova-Shchedrina" ["The Rhetorical in the Poetics of M. E. Saltykov-Shchedrin"]. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (87), 2014, pp. 158–162. (In Russ.)